Ю.Б. Вильмов

КОРРУПЦИЯ КАК ФОРМА АСОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

ВИЛЬМОВ Юрий Борисович – ассистент кафедры социологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (e-mail: vilmov@inbox.ru)

Аннотация. *В статье анализируются истоки происхождения коррупции, ее связи с государством. Рассматриваются экономический, политический, правовой, социологический подходы к определению этого социального явления. Анализируются существующие определения коррупции и делается попытка определения коррупции как формы асоциального взаимодействия.*

Ключевые слова: *коррупция, причины коррупции, взяточничество, поведение асоциальное, взаимодействие социальное, злоупотребления.*

Среди актуальных социально-экономических и политических проблем современной России коррупция занимает не последнее место. Существует несколько причин активного внимания исследователей к этому вопросу. Во-первых, злоупотребления властью в корыстных целях на фоне социального неравенства создают неблагоприятную обстановку во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, социальной, культурной. Во-вторых, коррупция как сложное явление создает условия для собственного воспроизводства.

Коррупция внешне проявляется, с одной стороны, в привычном образе индивидуальной коррупции, направленной на удовлетворение личных потребностей одних людей за счет других. Она носит нелегальный или полулегальный характер и причиняет вред не только государству и обществу в целом, но и управляющей системе, контролирующей власть. С другой стороны, она выступает в виде институциональной или политической коррупции, при которой удовлетворяются потребности находящейся у власти группы управленцев. В этом случае представители управленческой системы выступают как носители групповых, корпоративных интересов.

Происхождение коррупции как социального феномена относится к тому историческому периоду развития общественных отношений, когда в имущественных отношениях людей наметилось четкое разделение на «мое» и «твое», и в связи с этим, естественно, возникла потребность в выделении специальных социальных групп, обеспечивающих регулирование отношений собственности. Поэтому можно утверждать, что коррупция

возникла до появления государственности. С появлением государственности коррупция как социальный феномен становится неотъемлемым элементом, сопровождающим процессы социального и государственного управления. В его близкой к современному значению интерпретации данный термин стал употребляться в эпоху античности.

Термин «коррупция» произошел от сочетания латинских слов «*correi*» – корреальность, солидарность – и «*rumpere*» – ломать, повреждать, нарушать, отменять*. Впервые в античной Греции у термина «коррупция», изначально использовавшегося для обозначения порчи воды или расстройства желудка плохой пищей, появляется «социальный» смысл – приведение в упадок нравов, расстройство порядка. Примерно в это же время коррупция приобретает значение подкупа кого-либо.

Изначально коррупция в своем социальном значении предполагала двух соучастников (одно из значений приставки «*cor*» – совместность, сопричастность). В более позднее время в Древнем Риме укореняется и такой смысл коррупции, как подкуп судьи. Начиная с XV в. под коррупцией понимается подкупаемость и продажность чиновников (государственных должностных лиц), а также общественно-политических деятелей[1].

Исходный, простейший смысл термина – подкуп, продажность чиновников, которые берут деньги в собственных корыстных интересах, как отмечал Ю.А. Левада, давно устарел[2]. В качестве доказательств он использовал следующие аргументы:

Во-первых, субъектами коррумпированного поведения могут быть не только чиновники разных рангов (от начальников разных ведомств до рядовых клерков, инспекторов, сторожей и т. д.), но и преподаватели, журналисты, врачи – все, кто обладает привилегией оказать или не оказать определенную услугу, разрешить или запретить, ускорить или замедлить исполнение какого-то важного для «соискателя» дела (а также сделать его получше или «обычно» и т. д.).

Во-вторых, коррупция не обязательно означает прямое нарушение законного порядка: нередко взятку вымогают за самую простую и совершенно законную услугу (выдачу справки, разрешения).

В-третьих, в коррупционной сделке не всегда фигурируют деньги. Здесь широко применяется и бартер – обмен услугами. Причем к услугам можно

---

* Образовавшийся термин «*corrumpere*» применялся в Римском праве для определения деятельности нескольких лиц, целью которых являлась «порча» нормального хода судебного процесса или процесса управления обществом.

[1] См.: *Клюковская, И.Н.* Современное состояние коррупции в России и проблемы ее предупреждения. – Ставрополь, 2001. – С. 15–16.

[2] См.: *Левада, Ю.* Человек в коррумпированном пространстве. Размышления на материале и полях исследования // Мониторинг общественного мнения. – 2000. – № 5(49). – С. 7–8.

отнести, например, исполнение незаконного приказа в «обмен» на благорасположение руководящего лица; обмен услугами в такой ситуации осуществляется «по вертикали» зависимости.

В-четвертых, мотивация коррупции может быть связана не только с лично-корыстными интересами, но и с корпоративными, фирменными, ведомственными, а то и с государственными интересами (в последнем варианте государство выступает в качестве корпорации). И в советских, и в постсоветских условиях корпоративные ориентации всегда были не менее важны, чем противостоящие им (и связанные с ними) индивидуализированные.

Как отмечал Э. Дюркгейм, специфика социального принуждения обусловлена не жесткостью определенных молекулярных устройств, а престижем, которым наделены некоторые представители. Правда, приобретенные или унаследованные привычки, в некоторых отношениях, обладают тем же свойством, что и физические факторы. Они господствуют над нами, навязывают нам верования или обычаи. Но они господствуют над нами изнутри, так как целиком заключены в каждом из нас. Социальные же верования и обычаи, наоборот, действуют на нас извне; поэтому влияние, оказываемое теми и другими, весьма различно. Психические явления, отмечает автор, могут иметь социальные последствия лишь тогда, когда они тесно связаны с социальными явлениями. Так, чиновник представляет собой социальную силу, но в то же время он и индивид. Отсюда следует, что он может воспользоваться той социальной энергией, которой обладает, в направлении, подсказываемом его индивидуальной природой, и может оказать влияние на состояние общества.

Первая попытка уйти от моральной оценки при анализе коррупции была предпринята М. Вебером, который в рамках экономической антропологии исследовал такое явление, как откуп государственных налогов. Он ввел понятие «толерантный функционалист» применительно к отношениям между государственной и частной сферой и сделал вывод о функциональности и приемлемости коррупции при условии, что она усиливает позицию элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений. Таким образом, были заложены основы функционального подхода к исследованию этого феномена. Данное взаимодействие является целерациональным. В трактовке М. Вебера лежит ожидание определенного поведения участников взаимодействия и использование этого ожидания в качестве условий или «средств» для достижения своей рационально поставленной цели. Например, дающий взятку ожидает заранее обозначенного ответного поведения, выгодного для себя или иных лиц.

Как отмечал К. Маркс, социальная природа коррупции возможна в обществе развитых товарно-денежных отношений, когда «способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное,

на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на всё без разбора, т. е. развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) тождественно всеобщей продажности, коррупции»[1].

Российские исследователи конца XIX – начала XX в., опираясь на обширные исторические источники, убедились в том, что подкуп административного лица есть прочная традиция российской государственности, по крайней мере, несколько последних столетий. Наиболее известные ученые дореволюционной России В. Евреинов, Н. Коркунов, В. Ключевский, А. Градовский, К. Кавелин, Е. Карнович, Б. Чичерин и другие сравнивали структуру и функционирование административного аппарата страны за предшествующие триста лет в духе генетической и исторической социологии.

Сторонники институционального подхода, которые ориентировались на либеральные ценности и на исследования модернизации развивающихся стран, видят в коррупции единственное средство постепенного создания институтов, необходимых для демократического развития общества[2]. В частности, С. Хантингтон полагал, что между развитием коррупции и модернизацией существует корреляция[3]. Процесс их взаимодействия можно представить следующим образом: индустриализация создает новые источники богатства и власти, а также новые социальные слои, политические и социальные требования, которые постоянно меняются. Эти трансформации не позволяют осуществить политическую институционализацию.

Согласно теории Р. Мертона, коррупция есть такая разновидность социального поведения, которая формируется под давлением общества и выражается в нарушении установленных норм. Он подчеркивает, что социальная система задает культурные цели, к которым стремятся индивиды, а также устанавливает средства для достижения этих целей – институциализированные нормы. Многие из тех, кто довольно рано осознает ограниченность своих возможностей в этой гонке, отвергнув общие правила игры, попытаются добиться успеха недозволенными («творческими» или преступными) методами.

Определения коррупции, которые можно обнаружить в современной отечественной литературе, принадлежат в первую очередь юристам, что неудивительно, поскольку начиная с 1994 г. в Российской Федерации предпринимались неоднократные попытки законодательно определить и коррупцию, и меры наказания коррупционных действий. С юридической точки зрения коррупцией является то, что называет таковой уголовный кодекс той или иной страны или что запрещают кодексы профессиональной этики. Преимущество этой дефиниции состоит в четкости и определенности.

---

[1] *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 106.

[2] См.: *Гольберт, В.В.* Эксцесс коррупции. – Иркутск, 2006. – С. 12.

[3] См.: *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – С. 94–119.

Зафиксированные в законе разрешения и запрещения в принципе определяют поведенческие ориентиры как для общества в целом, так и для индивида (гражданина и государственного служащего), компенсируя, таким образом, отсутствие индивидуальной или коллективной этики. Но такой подход проблематичен и с юридической и с этической точек зрения. Правовые нормы и запреты не охватывают всего спектра конкретных проявлений феномена коррупции.

В этом же аспекте определяют коррупцию и международные организации. Например, в Кодексе поведения должностного лица по поддержанию правопорядка, принятом ООН, коррупция определяется как разновидность злоупотребления властью, охватывающая совершение или несовершение должностным лицом какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие. Внимание акцентируется на злоупотреблении служебным положением для достижения личной или групповой выгоды, а также незаконного получения государственными служащими выгоды в связи с занимаемым служебным положением.

Экономический анализ исходит из того, что коррупция понимается как конвертация политического капитала в экономический. Такой подход открывает перспективу объяснения и понимания коррупции исходя из образа и стиля коммуникации об отчуждаемых и неотчуждаемых ценностях (о взаимной конвертируемости различных видов капитала). Одним из ведущих специалистов в области исследования коррупции признана С. Роуз-Аккерман. Свои исследования она проводит в рамках экономического подхода к изучению коррупции и рассматривает ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи – как часть трансакционных издержек; в данном случае коррупция связывается с чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы.

Подчеркивая политическую составляющую коррупции, В.А. Шабалин в статье «Политика и преступность» определяет ее как «девиантное политическое поведение, выражающееся в нелегитимном использовании господствующей политической элитой государственных ресурсов в целях укрепления своей власти или обогащения»[1]. Н. Леонов определяет коррупцию как обмен власти на деньги[2].

Соглашаясь с И. Менитом в том, что коррупция не является банальным правонарушением, наподобие нарушения правил дорожного движения, считаем, что в ее определении необходимо выйти за пределы собственно

---

[1] *Шабалин, В.А.* Политика и преступность // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 45.

[2] См.: *Леонов, Н.* Коррупция – главный политический инструмент России // Политический журнал. – 2008. – № 34. – С. 30.

права. В частности, например, И. Мени обращает внимание на то, что социологическое определение коррупционного поведения может выдвинуть на первый план отношение к данному явлению граждан и элит[1].

Социологические источники обозначают коррупцию в том же аспекте, что и указано выше, т. е. акцент ставится на злоупотреблении служебным положением для достижения личной или групповой выгоды: коррупция характеризуется как использование должностными лицами служебного положения в корыстных целях, как «деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения»[2].

Таким образом, коррупция – это сложное, многоаспектное явление, которое не сводится лишь к подкупу и продажности должностных лиц, а охватывает более широкий спектр их асоциального поведения, связанного с нелегитимным использованием полномочий и ресурсов. Кроме того, многогранность коррупции заключается в том, что она имеет градацию по видам, выражается в различных формах, в том числе в конкретных преступлениях. Понимание коррупции как социального явления позволяет с высокой степенью определенности выявить ее масштабы и меры борьбы с нею.

Список литературы

Быстрова, А.С. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2000. – Т. 3. – № 1.

Гольберт, В.В. Эксцесс коррупции. – Иркутск, 2006.

Жилина, И.Ю. Феномен коррупции: общие подходы к изучению // Социально-экономические аспекты коррупции : проблемно-тематический сборник. – М., 1998.

Левада, Ю. Человек в коррумпированном пространстве. Размышления на материале и полях исследования // Мониторинг общественного мнения. – 2000. – № 5(49).

Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. – М., 1999.

© Вильмов Ю.Б., 2009

[1] См.: *Быстрова, А.С.* Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2000. – Т. 3. – № 1. – С. 83–101.

[2] Социологическая энциклопедия ; под ред. Г.Ю. Семигина. – Т. 1. – М., 2003. – С. 501–502.